

ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ

АБРАМОВСКИЙ УГОР

К 90-летию со дня рождения Фёдора Абрамова

Проза Федора Абрамова — наше великое художественное достояние. Всё то, что было написано им — теперь, по истечении довольно длительного времени, приобретает ещё большую значимость, чем это было при жизни самого творца. Сейчас, как никогда, остро востребованы высокие нравственные ориентиры, которые писатель раскрывал в своих произведениях. Потребность в духовном обновлении давно назрела не только в молодежной среде, но во всём нашем обществе, так стремительно обнищавшем в культурном, нравственном и физическом смысле. Об этом Абрамов предупреждал нас ещё много-много лет назад. Он с апостольской несгибаемостью вёл неустовую духовную битву за утверждение лучших качеств в Человеке: совести, добра, справедливости, любви к тому уголку родной земли, где родился каждый из нас, благоговел перед отечественной историей, значимостью и величием России. Да, он всем своим творчеством, которое воспринимается не иначе как служение и подвижничество, проявил себя тем ярким и одержимым представителем так называемого колена А в а к у м о в а.

Благодарю судьбу за то, что мне так повезло — я знал и около десяти лет общался с Федором Александровичем. С юношеской пылкостью и обожанием относился я к нему не только как к выдающемуся писателю, но и как к верному в дружбе человеку... Почти каждую зиму жили мы когда-то в Доме творчества “Комарово”, работали над книгами, бродили по заснеженным тропинкам. Играли на бильярде. На февральской тропе, сбегавшей с Комаровского крутояра к Финскому заливу, любовались величественными золотистыми стволами сосен и заострёнными макушками елей, напоминающих ему ёлки веркольские.

Меня постоянно тянула к нему какая-то неизъяснимая сила его человеческого и писательского обаяния. Из того, что создал он и опубликовал, я успел многое прочесть ещё при его жизни. Я люблю прозу Абрамова за то, что в ней бесстрашно изображена жесточайшая правда жизни, в буквальном смысле — соль земли, за то, что веет она той языковой свежестью, которая отличает подлинного художника от его многочисленных эпигонов. Художественный текст его произведений насыщен густой и меткой образностью, отмечен особой северной фразой, являющей мудрость в познании народного бытия. И ещё той живой, весёлой озорницей, без которой невозможно представить современную сельскую жизнь. Его пронзительная проза — это луговое разнотравье, басовитое погудывание хвойных боров, зримые картины яркой морозной зимы, снежных буранных наметов, потемневших от непогоды дедовских изб, с растресканными охлупнями на тесовых крышах...

Поверьте, я счастлив оттого, что имел возможность дружить с Федором Александровичем, читать его книги, разговаривать с ним, слушать его замечательные выступления с писательских трибун и на секции прозы в Красной гостиной Союза писателей. С годами я всё чаще вспоминаю удивительный творческий вечер Абрамова, связанный с его юбилейной датой — 60-летием со дня рождения, проводившийся в Белом зале Шереметевского

особняка. Весь этот великолепный вечер мы простояли с Глебом Горбовским на ногах, ибо в зале Союза писателей не было свободных мест. Множество людей теснилось на лестницах и в проходах, слушая трансляцию по местному радио. Ах, какие это были восхитительные мгновения жизни!

Но разве знал я тогда, что по истечении всего-то трёх лет, весной 1983 года, он так неожиданно, глубоко озадачив многих близко знавших его людей, уйдёт из жизни. С горьким и скорбящим чувством провожал я его, великого писателя земли русской, в последний путь... Уже после кончины писателя я познакомился с его другом Фёдором Фёдоровичем Мельниковым, художником. Мы вместе ездили в Верколу, где в те годы проходили ставшие воистину народными многолюдные Абрамовские чтения, посвящённые Фёдору Александровичу. Пиршество образного северного слова, народной музыки, сцены из спектакля “Дом”, выступления прозаиков, поэтов, литературоведов и критиков, художников и земляков Абрамова — всё это сливалось в единое целое — поклонение таланту Фёдора Абрамова.

Возвратившись однажды из очередной поездки в Верколу, ставшую такой родной, я написал этот цикл стихов, посвятив его близкому мне по мироощущению человеку, чьи рукопожатия и напутственные слова — всегда были для меня его сердечной, дружеской поддержкой на жизненных и творческих путях и перепутьях...

Памяти Федора Абрамова

1

...А Веркола в сугробах вязла,
Её знобило на юру.
И отдирал мороз от прясла
Полуистлевшую кору.

Полозья пошевной¹ скрипели,
Срывая корочку снежка.
Оцепенев, стояли ели
Вдоль пинежского бережка.

И в северной сторонке хвойной,
Где ночью веял снеговой,
Старинной песнею фольклорной
Встречали веркольцы гостей.

Синели тёмные ухабы,
Белел за Пинегой овин.
Порозовев, тянули бабы:
“Ах, Лебедин мой, Лебедин!”²

Слабел мороз, мерцало солнце,
А над перильцами крыльца,
Как золотое веретёнце,
Кружилась снежная пыльца.

И всё мне было как в новинку
В метельной северной тиши.
Вис небосвод лазурной льдинкой.
Порхая, каждая снежинка
Дарила свет его души.

2

Ледяной сугроб сутулится,
Хорохорится зима.
Здравствуй, северная улица,
Пятистенные дома!

*Нынче утро, ой, да ясное —
Отсвистулила пурга!
За осиновыми пряслами
Меркнут мягкие снега.*

*А от птичника до птичника —
Снегириный перелёт...
Прорезной узор наличника
Посреди зимы цветёт.*

*Бабы веркольские охнули,
Всполошив частушкой тишь.
И ворохнулись охлупни
На коньках тесовых крыш.*

*А у Дома да у самого
Запах пакли и сенца.
Я на родине Абрамова —
Вдохновенного певца.*

*И сугробная, морозная,
Сосульками звеня,
Супит бровь природа грозная,
Стужу гонит от меня.*

*Дрогнут худенькие сосенки,
Хмуры хвойные верхи,
Но выпархивает солнышко
Воробьём из-под стрехи!*

*Шумно охает околица:
“Задрала метель подол!
Но как только распогодится —
У коровушек отёл”.*

*Шубняки шушат и варежки...
Как светло от русских лиц!
И похрустывают шанежки
На зубах у молодежи.*

3

*Снегами Веркола слепила.
Искрясь, белела навесь крыш.
И горожан заморозила
Простора северного тишь.*

*И в тишине сухой, морозной,
В тот краткий сумеречный час
Угрюмый мир природы грозной
Снежком и стужей метил нас.*

*Был тот снежок сыпучий — колок,
А под ногами — ой, скрипуч!
Мороз щетинил иглы ёлок,
Чуть розовел закатный луч.*

*В оконцах стыл узор гераней
За перепончатым ледком.
Топились низенькие бани,
Горчавым веяло дымком.*

*За пики ёлочек цепляясь,
Плыла вечерняя заря.
И пламенел, переливаясь,
Пуховый фартук снегиря!*

*И речь крестьянская медово,
Как водополицы напор,
Лилась: “У нас мужик за Словом
Пешком ходил до Карпогор!”³.*

*И закудахтали старушки,
С той простотой почти святой:
“То Слово в книжицах Федюшки
Сверкает рыбкой золотой!”*

4

*В родной земле, любимой с детства,
Лежишь... А рядышком река.
Оно с тобой, твоё наследство —
Поля, луга и облака,*

*И лес, и Пинега, и пожни,
Родной избы тепло и свет.
Ты рядом с нами мало пожил,
Познав не только соль клевет.*

*Да, ты азартно делал дело!
И со страниц правдивых книг
Нам Слово Севера звенело,
Как юркий веркольский родник,*

*Что под землей упруго бьётся
И с человеком ищет связь.
И упоённо к свету рвётся,
Сквозь щель булыжную сочась.*

*Сквозь все запруды и преграды,
Щебёнку, глину и сузём
Он к нам прорвался... Люди рады:
“Дай Бог, с водицею живём!..”*

*В разгар косьбы, лесоповала
И в год голодный, горевой
Нам так её недоставало,
Целительной и ключевой!*

*Теперь над ней шумят берёзы,
С ней наша родина видней.
И разве что людские слёзы
По чистоте сравнимы с ней.*

1987, Веркола — Ленинград

Примечания:

¹ “Полозья пошевной скрипели” — Пошевни — разновидность русских саней.

² “Ах, Лебедин мой, Лебедин!..” — старинная северная обрядовая песня.

³ Карпогоры — районный северный городок в Архангельской области.